

Необращённый

Автор:

Варлам Шаламов

Необращённый

Варлам Тихонович Шаламов

Рассказ Варлама Шаламова «Необращенный» входит в сборник колымских рассказов «Левый берег».

Варлам Шаламов

Необращённый

Я бережно храню свой старый складной стетоскоп. Это – подарок в день окончания фельдшерских лагерных курсов от Нины Семеновны – руководителя практики по внутренним болезням.

Стетоскоп этот – символ и знак возвращения моего к жизни, обещание свободы, обещание воли, сбывшееся обещание. Впрочем, свобода и воля – разные вещи. Я никогда не был вольным, я был только свободным во все взрослые мои годы. Но все это было позже, много позже того самого дня, когда я принял этот подарок с чуть затаенной болью, с чуть затаенной грустью, как будто не мне, а кому-то другому следовало подарить этот стетоскоп – символ и знак главной моей победы, главной моей Удачи на Дальнем Севере, на рубеже смерти и жизни. Я отчетливо чувствовал все это – не знаю, понимал ли, но чувствовал безусловно, укладывая стетоскоп рядом с собой под вытертое лагерное одеяло, бывшее солдатское, одеяло второго, а то и третьего срока, которые давались курсантам. Я гладил стетоскоп отмороженными пальцами, и пальцы не понимали – дерево это или железо. Однажды из мешка, собственного мешка, я на ощупь вынул стетоскоп вместо ложки. И в этой ошибке был глубокий смысл.

Бывшие заключенные, которым лагерь достался легко, – если кому-нибудь лагерь может быть легок, – считают самым трудным временем своей жизни послелагерное бесправие, послелагерные скитания, когда никак не удавалось обрести бытовую устойчивость – ту самую устойчивость, которая помогла им выжить в лагере. Эти люди как-то приспособились к лагерю, и лагерь приспособился к ним, давая им еду, крышу и работу. Привычки нужно было резко менять. Люди увидели крушение своих надежд, столь скромных. Доктор Калембет, отбывший пять лет своего лагерного срока, не справился с послелагерной волей и через год покончил с собой, оставив записку: «Дураки жить не дают». Но дело было не в дураках. Другой врач, доктор Миллер, с необычайной энергией всю войну доказывал, что он не немец, а еврей, – кричал об этом на каждом углу, в каждой анкете. Еще был третий, доктор Браудэ, – пересидел три года из-за своей фамилии. Доктор Миллер знал, что судьба шутить не любит. Доктору Миллеру удалось доказать, что он не немец. Доктор Миллер был освобожден в срок. Но уже через год вольной жизни доктора Миллера он был обвинен в космополитизме. Впрочем, доктора Миллера еще не обвиняли. Грамотный начальник, читавший газеты и следивший за художественной литературой, пригласил доктора Миллера для предварительной беседы. Ибо приказ есть приказ, а угадать «линию» раньше приказа – большое удовольствие грамотных начальников. То, что началось в центре, обязательно дойдет в свое время до Чукотки, до Индигирки и Яны, до Колымы. Доктор Миллер все это хорошо понимал. В поселке Аркагала, где Миллер работал врачом, в яме для нечистот утонул поросенок. Поросенок задохся в дерьме, но был вытащен, и началась одна из самых острых тяжб; в разрешении вопроса участвовали все общественные организации. Вольный поселок – человек сто начальников и инженеров с семьями требовали, чтобы поросенок был отдан в вольную столовую: это была бы редкость – свиная отбивная, сотни свиных отбивных. У начальства текли слюнки. Но начальник лагеря Кучеренко настаивал, чтобы поросенок был продан в лагерь – и весь лагерь, вся зона обсуждали судьбу поросенка несколько дней. Все остальное было забыто. В поселке шли собрания – партийной организации, профсоюзной организации, бойцов отряда охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/varlam-shalamov/neobraschennyu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)